ВЛАДИМИР КОРЕШКОВ
СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ
ИЛИ
ГАУПТМАН С ОЛЕРОНА

Владимир Корешков

Свой среди чужих, или Гауптман с Олерона

«Издательские решения»

Корешков В. Г.

Свой среди чужих, или Гауптман с Олерона / В. Г. Корешков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855919-8

У Яра все идет хорошо: престижный вуз, по окончании которого он станет звездным пилотом, любимая девушка — длинноногая Линда — и лучший друг детства — Алекс, который готов пойти за ним хоть в самое пекло. Но в один момент его жизнь меняется, совершая крутой разворот. На планете Олерон вспыхивает восстание, куда Яр отправляется в составе экспедиционного корпуса, в рядах звездной пехоты, где в горниле жестокой войны он закалился, стал опытным воином. Ему удаётся выжить и узнать страшную тайну.

ISBN 978-5-44-855919-8

© Корешков В. Г.
© Издательские решения

Свой среди чужих, или Гауптман с Олерона

Владимир Германович Корешков

© Владимир Германович Корешков, 2019

ISBN 978-5-4485-5919-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Его руки стальной хваткой, словно гигантские клещи, вцепились в мое горло – не оторвать, всем весом своего тела он распластав меня как лягушку вдавил в землю, а весил он никак не меньше центнера, плюс амуниция, бронежилет и прочее. Черт, какой же здоровый мне попался противник, его желание было мне предельно ясно – как можно поскорее отправить меня к праотцам; у меня же на этот счет существовало свое собственное желание, диаметрально противоположное желанию этого бойца, на тот свет я сильно не хотел; наши желания ну никак не совпадали, поэтому я сопротивлялся изо всех сил, но единственное, что мог сделать в этом положении – вцепиться в его руки, не давая ему вдавить мне кадык и сломать шею. Парень был крайне настойчив, а мои руки слабели, в висках словно молот стучал, глаза вылезали из орбит, совсем не хватало воздуха, хотя бы один глоток воздуха, ну хотя бы один. Я тоскливо скосил взгляд вправо: совсем рядом поблескивая лезвием на солнце лежал штык-нож, выбитый из моей руки в начале схватки, но для того чтобы попробовать дотянуться до него, мне придется освободить свою руку и сдерживать его натиск одной рукой – вот тогда мой визави точно сломает мне шею. Привязался же гад. Господи, как не хочется умирать, денек вроде бы так неплохо начинался. Я взглянул на его бородатое лицо: крупные капли пота на лбу, набухшие от усилия казалось готовые вот вот порваться вены, выпученные глаза, в которых читалось одно – желание побыстрее покончить со мной. А еще этот запах, чужого совершенно постороннего человека. Неужели он – это то последнее, что я вижу в своей жизни? Брр, какая омерзительная картина. Где-то совсем рядом разорвался снаряд, осыпав нас комьями земли; он чуть, чуть ослабил хватку, я сразу же воспользовался этим – молниеносно правой рукой дотянулся до штык-ножа и резко воткнул его бойцу в бок, туда, где у него заканчивался бронежилет; штык-нож, вошел в его плоть плавно как в масло,; еще, еще и еще раз – я не мог остановиться, вытаскивая клинок и вонзая его снова и снова, ощущая на своей ладони, державшей рукоятку, его обжигающе горячею липкую кровь; он закатил глаза, изогнулся, захрипел и отпустил меня. Упираясь из последних сил я кое как скинул с себя труп поверженного противника теперь наконец мог вдохнуть полной грудью и… Проснулся в холодном поту. В комнате царил полумрак.

Этот кошмар из моей военной юности постоянно мучил меня, периодически заставляя снова и снова переживать события того трагического дня. Интересно, сколько сейчас времени? Шторы плотно задернуты, совершенно не понятно, еще ночь или уже утро. В квартире очень тихо, ничего удивительного – кроме меня, в ней никого не было, а звукоизоляционные окна не давали постороннему шуму с улицы пробиться в комнату. Я потянулся к своему хронометру: стрелки светились в темноте, показывая пять минут девятого – значит, утро. Пора вставать. Отбросив одеяло, сел на край кровати, стряхивая с себя последние остатки сна. Затем зевая прошлепал босиком в душ. Долго плескался, поливая себя то горячей, то холодной водой – принимая контрастный душ. Насухо вытерся теплым махровым полотенцем, придирчиво осматривая свое натренированное тело. Очень аккуратно и тщательно побрился, внимательно посмотрел на себя в зеркало – оттуда на меня смотрел светловолосый молодой человек, явно не урод: зеленые глаза, ровный, прямой нос, пухлые губы, над правой бровью белел небольшой шрам;

провел пятерней по густому ежику волос, улыбнулся своему отражению и вслух произнес: «Ну, здравствуй, Яр Ковалефф, поздравляю тебя с твоим тридцатилетием». Ощущение странное, тридцатник, а ведь когда-то я думал, что ни за что не доживу до такого возраста. Прыснув на себя одеколоном пошел одеваться. Открыл шкаф, сразу отодвинул в сторону серый мундир с двумя железными крестами и с погонами гауптмана звездной авиации. Не спеша, с удовольствием выбрал себе штатскую одежду, которую давно уже не носил: черный джемпер и черные джинсы, еще раз придирчиво оглядел себя – годится. Надо было где-то позавтракать. Холодильник девственно-чист и пуст, так как только вчера прилетел домой. Внизу в нашем доме находилось кафе, которое начинало работать с девяти утра. Ну что же, девять уже есть, а я готов есть. Закрыв за собой массивную входную дверь, очутился в полутемной прохладной парадной, которую помнил с детства. Дом был очень старый и имел какой-то свой, особенный ни с чем не сравнимый запах. Стены здания со временем как губка впитали в себя все запахи людей, когда-то живших здесь, а вместе с запахами стены впитывали людские мечты, надежды, радости, печали и невзгоды. Парадная была отделана темно-синим кафелем с витиеватым узором из золотистых цветов. Дотронувшись до кафеля ладонью, ощутил гладкую поверхность – он, как в детстве, был прохладным и слегка влажным. Лифтом пользоваться не стал. Спустился с третьего этажа, распахнул дверь – в лицо ударил яркий солнечный свет, свежий аромат весеннего утра и шум улицы. Суббота – это особый день. Народ никуда не торопится, наслаждаясь своим выходным. Сразу направо был вход в кафе, о чем свидетельствовала пошарпанная ядовито-зеленая неоновая вывеска. В зале никого, кроме двух посетителей – пожилого мужчины, сосредоточено жующего гамбургер, и неопределенного возраста женщины, пьющей кофе, – не было. Подошел к стойке. Откуда-то сразу материализовалась миловидная блондинка, барменша, окинув меня внимательным взглядом чуть припухших глаз. «Видно, вечерочек вчера удался на славу».

– Что желаете? – передо мной возникло голографическое меню. Цены обычные, как и везде, а пугали, что на Земле мне отпускных не хватит.

– Мне омлет, кофе со сливками и булочку.

– Где будете завтракать? За стойкой или в зале?

– В зале.

– Присаживайтесь, ваш заказ будет выполнен.

Сев за дальний столик у окна, я осмотрелся. Нет, интерьер в зале практически не изменился с тех пор, как меня сюда водил отец. Он не любил и не умел готовить. Когда мама уезжала в командировку, мы завтракали и ужинали здесь. За окном тоже ничего не изменилось. Время остановилось. Те же липы, тот же старый дом напротив с коричневым потрескавшимся фасадом, та же улица, по которой я с лучшим другом бегал в школу. Обычно, когда я спускался, он меня уже ждал возле парадной, церемонно и со значительностью протягивал мне руку. Рукопожатие всегда было крепким, мужским, а дальше мы с ним шли до школы, которая находилась в шести кварталах от дома, беседуя о разных, как нам казалось, серьезных, важных вещах и событиях. По пути к нам присоединялись одноклассники, и шумной, веселой ватагой мы вваливались в школу. От воспоминаний меня отвлекла официантка.

– Пожалуйста, ваш заказ, – сияя ослепительно белозубой улыбкой, она расставила приборы, омлет, дымящийся кофе и очень аппетитную на вид булочку с творогом, после чего поинтересовалась: – Вы не местный?

– Почему вы так решили?

– Ну, какой-то вы не такой.

– А что не так? – я насторожился.

– Ну, какой-то очень загорелый и одеты…

Так, ну да, штатское я давно не надевал, и видно, все вышло из моды. Надо зайти в магазин и прикупить что-нибудь.

– Я с Олерона.

– О, военный. Офицер?

– Так точно. Гауптман.

Ее голубые глаза стали маслеными, а улыбка еще шире, до коренных зубов.

– В отпуск?

– Да, в отпуск.

– Меня, между прочим, Лаума зовут, – промурлыкала она.

– Очень приятно. Яр.

– Мне тоже очень приятно. И между прочим, сегодня работаю до восьми вечера, а потом, вы не поверите, я ну абсолютно свободна.

Сейчас она смотрела на меня как кошка на сметану.

– Лаума, детка, я все понял и все учел.

Она повернулась и не спеша, слегка покачивая бедрами, отправилась к стойке, давая мне шанс разглядеть ее стройную фигурку. На полпути обернулась, призывно улыбаясь, гипнотизируя своими голубыми очами с поволокой, проворковала с придыханием в голосе:

– Яр, я очень буду ждать вечера.

«Ну что же, жди, – подумал я про себя, – а у меня на вечер совсем другие планы». Омлет был так себе, а вот кофе и булочка просто восхитительны. Протянув левую руку, в которой был зашит микрочип с моими персональными данными, к считывающему окошечку в столике, расплатился. Поблагодарив Лауму за вкусный завтрак, оставил ей щедрые чаевые, на ее вопросительный взгляд сказал, что помню о сегодняшнем вечере. «Вдруг пригодится для алиби», – подумал я, неизвестно, как все сложится. Услышав в ответ обещание, что этот вечер будет самым незабываемым в моей жизни, вышел на улицу. Вдохнул полной грудью свежий вкусный воздух, не такой, как на боевом звездолете, сочетающий в себе запах метала, пластика и еще чего-то неопределенного. Высокое ярко-синее небо, никто не стреляет, не слышно разрывов, стонов раненых. О черт, есть же такие места на свете! Сегодня мне тридцать, и я предоставлен самому себе до вечера. Взглянул на хронометр – подарок родителей на пятнадцатилетие. Точнее, до девяти вечера, а еще точнее, до выполнения задания осталось десять часов сорок пять минут. Ну что же, пойду пройдусь. Я медленно, не спеша побрел по знакомым улицам моей родной Риги, воспоминания волной накрыли меня, заставляя вспомнить всю свою жизнь.

Глава 2

Как и все родившиеся в Рейхе: сначала ясли, затем садик, ничего необычного. Только была одна особенность – некоторые воспитатели и отдельные родители других детей смотрели на меня как-то не так. Лишь позже узнал причину: я был из семьи русскоязычных. Дело в том, что до образования Рейха были разные страны: Америка, Канада, Англия, страны Европы, называвшие себя «Евросоюз». Затем в эти страны в поисках лучшей доли хлынули потоки мигрантов с Ближнего Востока и Африки, которые не хотели жить по законам установленным в этих государствах. начались волнения, беспорядки. Правительства пытались соблюсти хоть какую-то видимость порядка. В ответ от гостей пытавшихся отстоять свое видение мира получили массовые акты неповиновения и кровавые теракты с многочисленными жертвами. Естественно, коренному населению все это не нравилось. К власти во всех этих странах пришли ультраправые. Европа с Америкой, Канадой объединились в единое пространство – Рейх. Наглухо закрыли, закупорив все внешние границы. Россия, Китай, Индия были объявлены империями зла и врагами номер один. Все сношения с этими странами были запрещены под страхом смерти. Дальше начались чистки, аресты и физическое устранение лиц, не лояльных режиму. Каждый человек должен был пройти тест на лояльность и дать клятву на верность Рейху. К этому времени были открыты новые источники энергии. Нефть и газ не имели

значения. Когда-то богатые ближневосточные страны стали нищими, Рейх, умело манипулируя, играя на старых родовых, религиозных и межэтнических конфликтах, стравливал эти страны, разжигая братоубийственную бойню. Начались массовые депортации, вначале мусульман, поставляя тем самым новое пушечное мясо в зоны конфликтов. Ближний Восток превратился в бесперебойную мясорубку. В это время был открыт Олерон, планета, недра которой были буквально напичканы полезными ископаемыми. В Рейхе пораскинули мозгами и решили: чтобы освоить все это добро, нужна была дешевая рабочая сила. Началась новая волна депортаций. Теперь на Олерон. Каждый протекторат Рейха составлял черные списки неблагонадежных. В первую очередь это были русскоязычные, евреи, сербы, затем мексиканцы, афроамериканцы, но обо всем этом я узнал намного, намного позднее. Не знаю, каким образом моим предкам удалось остаться, они успешно сдали тест на лояльность Рейху. Мама и папа занимали хорошие посты. Мама была ведущим инженером самой крупной строительной компании Рейха «Герхард ман». Отец был начальником строительного отдела в этой же компании. «Герхард ман» занимался самыми засекреченными проектами Рейха. Сотрудники получали приличное жалование поэтому я рос в довольно обеспеченной семье. До восьми лет я не помню ничего особенного из своего детства, только лишь совсем маленьким я мечтал иметь игрушечный звездолет, точно такой, как у Сандиса, мальчика из моего садика. Он им очень гордился – Яркий серебристого цвета. Сандис одной рукой подбрасывал звездолет вверх, и тот зависал в метре от земли, Сандис двигал рукой, и звездолет медленно и очень величественно скользил по воздуху, резко разжимал кулак, и звездолет стрелял красными лучами лазера в воображаемого противника. Все мальчишки завороженно и с завистью следили, как двигается это чудо. Естественно, когда родители поинтересовались, какой подарок я бы хотел на день рождения, я твердо заявил, что хочу звездолет. После садика мы с отцом и другом семьи, дядей Роландом, пошли выбирать мне подарок в детском магазине, подойдя к прилавку с игрушками, я сразу увидел свою мечту. Красивый, серебряный, он весь блистал казалось ожидая только меня. Но отец с дядей Роландом скептически оценили мой выбор, повертев звездолет в руках, постукав по нему указательным пальцем.

– Слушай, Яр, какой-то он ненадежный, – резюмировал отец.

– Девушка, покажите-ка нам вот тот, синий.

Девушка-продавец начала взахлеб расхваливать выбор отца и дяди Роланда. Еще бы, он был вдвое дороже.

– Вы посмотрите, из какого качественного пластика он произведен, у него запас мощности батарей, а значит, и хода вдвое больше, а еще эта модель может перемещаться не только по воздуху, но по воде и даже под водой.

– Яр, посмотри, какая вещь, намного лучше того. Берем?

Я не мог противостоять авторитету двух взрослых людей. Звездолет упаковали. Я взял его в руки.

– Ну что, Яр, доволен?

Отец погладил меня по голове своей большой теплой ладонью.

– Да, папа, спасибо большое.

Но на самом деле я был жутко разочарован. И если честно, вечер с праздничным тортом в кругу семьи мне тогда показался очень грустным. Наутро придя в садик со своим звездолетом, я видел, как другие дети завидовали мне, даже Сандис. Умом понимая, что мой звездолет намного круче, горделиво рассказывал и показывал преимущества моего звездолета. Мы с Сандисом на день поменялись игрушками, и целый день я провел со своей мечтой, но из всего этого я на всю жизнь вынес урок: получай и добивайся всегда того, чего ты желаешь и о чем ты мечтаешь, чтобы быть всегда в ладах с собой.

Глава 3

В третьем классе на уроке немецкого языка открылась дверь, зашла завуч фрау Шлессере, вслед за ней зашел невысокий, коренастый мальчишка с копной жестких, как проволока, рыжих волос.

– Знакомьтесь, дети, это ваш новый товарищ – Алекс Задонский, он будет учиться в вашем классе. Садись, Алекс, выбирай свободное место.

Он осмотрелся, взгляд его упал на меня, степенно протопав через весь класс, положил портфель в парту, бухнулся рядом со мной, с чувством достоинства протянул мне руку:

– Алекс.

– Яр, – ответил я на его рукопожатие.

Ладошка у него была сухая и шершавая, рукопожатие крепкое. После уроков Алекс, я и еще несколько мальчишек из нашего класса возвращались со школы. Алекс рассказывал о себе. Оказывается, он с родителями, двумя младшими сестренками совсем недавно переехал из города Кракова, польского протектората Рейха. Отец получил работу в Риге, живут они на той же улице, через дом от меня. Алекс располагал к себе, был очень легким в общении мальчишкой, прекрасным рассказчиком, постоянно улыбался. За разговорами мы дошли до проходного двора, который связывал две улицы. Мы с мальчишками всегда ходили через проходной двор, чтобы сократить расстояние до дома. Вдруг от липы отделились четыре фигуры, это был Черный Янис со своими друзьями. Янис был на два года старше нас, высокий, худой, болезненного вида, с черными как смоль длинными волосами, белой кожей и постоянной недовольной гримасой на узком, как у макаки, лице, обожавший издеваться и мучить тех, кто помладше и послабее. Но когда встречал ребят постарше и посильнее, тут же резко менялся: начинал перед ними лебезить, заискивать и подхалимничать. В общем вел себя как шакал, его дружки были ему под стать.

– Эй, криевс. Постой-ка, не спеши, – обратился он ко мне. «Криевс» в переводе с латышского дословно означало «русский», но слово «криевс» уже давно имело другое значение – когда хотели подчеркнуть неполноценность человека, хотели унизить и оскорбить его, к нему обращались именно так. Все мальчишки, с которыми шел из школы и которых я считал на тот момент своими товарищами, как-то удивительно быстро рассосались, словно их и не было Только Алекс плотнее приблизился ко мне и стал плечом к плечу рядом со мной. Черный Янис с друзьями не торопясь приближались к нам, мерзко улыбаясь. Так акула не спеша приближается к своей жертве, зная, что та никуда не денется, заодно давая жертве осознать всю безвыходность и ужас ее положения. В животе противно заурчало, засосало под ложечкой. Янис резко ударил меня в челюсть. Удар не был болезненным. Алекс сориентировался быстрее меня, сходу ударил в ответ, тут же в драку вступили трое друзей Черного Яниса, ну и закрутилось. Мы с Алексом дрались с отчаянием обреченных, царапались, кусались, даже когда нас повалили на землю и стали избивать ногами, мы все равно не переставали огрызаться. Не знаю, чем бы для нас все это закончилось, но тут на шум драки подбежал какой-то прохожий и отогнал от нас Черного Яниса и его компанию. Вставая с земли и отряхиваясь, я посмотрел на Алекса. Из носа у него текла кровь, а на обоих глазах расплывались два здоровенных темно фиолетовых фингала. Видок был тот еще. У меня было опухшее правое ухо и нижняя губа отвисала на полметра, в голове сильно шумело.

– Почему ты остался? – спросил я.

– А как я тебя брошу одного? – потом так хитро посмотрел на меня. – Яр, ты все-таки сумасшедший русский, – и расхохотался.

С этого дня мы стали неразлучными друзьями.

Глава 4

Вечером с опухшим ухом и оттопыренной губой я стоял на семейном совете и держал ответ, почему я в таком непотребном виде. В семейный совет входили мама, папа и дядя Роланд. Они сидели втроем за круглым столом в гостиной и очень внимательно и строго смотрели на меня. И если честно, все это сильно смахивало на трибунал. Когда я дошел в своем повествовании до того момента, как Черный Янис обозвал меня криевсом, я видел, как потемнели глаза моего отца, мама всплеснула руками, а дядя Роланд криво усмехнулся.

– Ну и кто кого? – проведя ладонью по короткому ежику волос, поинтересовался он.

– Вообще-то, они нас, но их было четверо и они старше, – глотая слезы, ответил я.

– Понятно, четверо, – в задумчивости протянул он. Повисла пауза. Родители переглянулись между собой.

– Иди в свою комнату, сынок, – сказала мама. Размазывая слезы по щекам, я удалился к себе. Уставившись на плакаты звездолетов, наклеенных на стене моей комнаты, здоровым ухом старался подслушать, что за дверью решает семейный совет.

– Надо позвонить родителям Яниса, – предложила мама.

– И о чем ты с ними будешь говорить? – парировал отец.

– Знаю я его родителей, отец работает в министерстве культуры, мать в министерстве пропаганды Рейха. Оба члены НСДПА, вот и вырастили паскудника, – рокотал тяжелый бас дяди Роланда.

Дальше кто-то захлопнул дверь в гостиную, и до меня долетали только обрывки фраз. Минут через десять мама позвала меня обратно в гостиную. Дядя Роланд опять провел рукой по волосам:

– Значит, четверо, говоришь? Вот что, паря. Во сколько ты завтра заканчиваешь школу?

– В четыре.

– Ну и хорошо. Завтра жду тебя у себя на работе в семь вечера, по адресу Антонияс, 27, при себе иметь спортивную форму.

– А зачем?

– Затем, что пора тебе научиться защищать себя от всевозможных выродков. Будешь постигать азы рукопашного боя при аппарате СД.

– А можно взять с собой Алекса?

Дядя Роланд внимательно посмотрел на меня.

– Ну пожалуйста.

– Это тот, что с тобой был?

– Угу.

– Лады, бери с собой Алекса.

Вечером, когда я уже засыпал, в комнату вошла мама со стаканом теплого молока, погладила своей мягкой, нежной рукой меня по голове, спросила:

– Яр, сынок, как ты?

– Нормально.

– Выпей молока

– Не хочу, мам.

– Больно, сына?

– Нет. Очень обидно. Мам, а почему мы не сменим фамилию?

– Тебе не нравится наша фамилия?

– Да нет, нравится. Но…

– Никаких но. Я знаю, сына, тебе еще не раз в жизни придется доказывать, что ты не хуже других, поэтому ты должен быть во всем, за что ни берешься, на голову выше остальных.

Мама поставила молоко на тумбочку возле кровати, еще раз погладила меня по голове, чмокнула в щеку.

– Спокойной ночи, завтра будет новый день. Все будет хорошо. Спи, сына.

Глава 5

На следующий день по дороге в школу я рассказал Алексу, куда мы идем вечером. Он был в полном восторге.

– А кто твой дядя Роланд?

– Штурмбанфюрер СД. И мы пойдем не на курсы самообороны от гитлерюгенда, а на настоящие боевые курсы при аппарате СД, – гордо процитировал я своего дядю.

Вечером после окончания занятий ребята один за другим под разными предлогами отказались возвращаться с нами. Из школы мы пошли с Алексом вдвоем. Подойдя к проходному двору, где вчера происходила экзекуция, переглянулись. У нас был шанс сделать совсем небольшой крюк и обойти этот злосчастный проходной двор, но решение было принято. Взяв друг друга за руки, мы смело шагнули в арку, ожидая всего самого плохого, но Яниса с друзьями там не было.

Без десяти минут семь мы были по указанному дядей адресу. Это было большое пятиэтажное, совсем старинное здание. Над входом реяли два полотнища: один – флаг Рейха, ярко-красный с белым кругом посередине, в нем черная свастика, второй – черный с двумя белыми молниями. Возле входа стояли двое эсэсовцев в черных мундирах, напоминавшие изваяния, с абсолютно каменными лицами. Я позвонил дяде Роланду и сообщил, что мы прибыли и находимся перед входом.

– Сейчас выйду. Ждите.

Он появился буквально через несколько минут. В черном мундире, перетянутый ремнями, в вычищенных до блеска сапогах. На правом рукаве кителя, чуть повыше локтя, была повязка со свастикой, на голове черная фуражка с серебряной кокардой, черепом и двумя скрещенными костями. Дядя Роланд казался еще выше и смотрелся очень грозно.

– Вот ваши пропуска. Смотрите не потеряйте. Пошли.

Пройдя через дверь мимо двух эсэсовцев, изваяния даже не дрогнули, мы оказались в огромном холле. Сразу в глаза бросались два огромных портрета – Гитлера и Канцлера. Впереди был турникет, рядом стеклянная будка, в ней сидел эсэсовец. Возле турникета стояли еще двое. На шее у них висели штурмгеверы. Все трое вытянулись перед дядей и щелкнули каблуками. Эсэсовец, который был в будке, взял у нас пропуска, приложил их куда-то, окинул нас тяжелым, немигающим взглядом.

– Все в порядке- сказал он не разжимая губ и вернул нам пропуска.

– Пожалуйста. Проходите.

Мы прошли через турникет, но не стали подниматься по огромной мраморной парадной лестнице, укутанной красной ковровой дорожкой, а свернули к небольшой, неприметной двери слева. Дядя Роланд резко распахнул ее. За ней находился узкий коридор, по бокам несколько дверей, на которых красовались медные таблички с надписью «Раздевалка». Впереди еще одна дверь, на ней готическими буквами было выведено: «Спортзал». Дядя толкнул первую дверь справа.

– Выбирайте свободные шкафчики.

Мы быстро переоделись и вошли в зал. В зале было человек десять мужчин, одетых в черные кимоно. Расположившись по трое друг за другом, одновременно, в такт, по команде наносили удары руками и ногами по воображаемому противнику, при этом шумно выдыхая воздух. Руководил ими невысокий, жилистый, абсолютно лысый, как биллиардный шар, мужчина. Как только лысый увидел нас, сразу скомандовал:

– Смирно. Гер штурмбанфюрер, вверенная мне группа отрабатывает упражнения по рукопашному бою. Старший группы унтер-штурмфюрер Шмульке, – весь подобравшись, обратился он к дяде.

– Вольно. Вот что, Ульрих, принимай к себе двух бойцов, – кивнул дядя на нас. – И обучи их хорошенько.

Ульрих с недоумением посмотрел на нас:

– Гер штурмбанфюрер, что мне делать с этими мальцами?

– Я что, неясно выразился? Я же сказал: обучи.

– Слушаюсь, гер штурмбанфюрер. вытянулся лысый.

Дядя Роланд вышел. Лысый еще раз с сомнением посмотрел на нас.

– Андис, замени меня, а вы двое, ко мне, – обратился он к нам. – Как звать?

Мы представились.

– Ко мне будете обращаться «учитель». Встаньте напротив меня, ноги вместе, руки чуть согнуты в локтях, сожмите кулаки. Так, хорошо, а теперь слегка поклонитесь, глядя мне в глаза.

Мы сделали, как он сказал. Он ответил нам тем же.

– Это приветствие, с ним вы заходите в зал и выходите, если вам нужно обратиться по какому-нибудь вопросу ко мне, делаете то же самое. Все поняли?

Мы послушно закивали.

– Повторите. Хорошо, а сейчас будем вас растягивать.

Положив нас на спины, он поднял мою ногу, уперев в свое плечо, очень медленно потянул ее наверх до упора, затем другую ногу. То же самое проделал с ногами Алекса.

– Запомнили? Отлично, дальше перед началом каждой тренировки сами себя будете растягивать.

Показал нам еще пару растяжек, а также как правильно дышать и несколько движений руками. Вот и вся тренировка. Мы с Алексом были крайне разочарованы. Вряд ли с таким набором мы могли хоть как-то противостоять Черному Янису и его компании. По окончании тренировки все уселись по кругу в позе лотоса. Ульрих вызвал двоих, они облачились в доспехи, закрывающие корпус и голову, на руки надели перчатки. И начался спарринг-бой. Противники не стали долго присматриваться друг к другу, а, поклонившись вначале Ульриху, потом друг другу, сходу стали наносить удары ногами и руками. Мы завороженно смотрели на битву двух атлетов. Наконец, одному удалось удачно произвести подсечку. Противник упал на спину, а второй резко ударил его по корпусу, настолько резко, что мы только слышали хлопок удара, но не видели самого удара. Ульрих остановил бой. Бойцы поднялись с мата, опять вначале поклонились друг другу, затем Ульриху и разошлись.

– Все, всем спасибо. Тренировка закончилась, – объявил Ульрих.

Уже совсем вечером, возвращаясь домой, мы с Алексом взахлеб обсуждали увиденное.

– Во класс. Как ты думаешь, сколько надо тренироваться, чтобы научиться так драться?

– Ну, не знаю. Но если мы будем только дышать и делать растяжки, так это лет сто пройдет.

На тренировки мы бегали четыре раза в неделю. И уже через полгода кое-что умели. У Алекса все получалось гораздо лучше, чем у меня. Он просто стал фанатом этого вида спорта. В спарринге мы все время противостояли друг другу. И хотя Алекс постоянно твердил, что драться со мной очень тяжело, ибо я абсолютно непредсказуем, я понимал, что как боец он сильнее, а еще через несколько месяцев мы подловили Черного Яниса и славно его отмудохали. Теперь нервничала его мама, длинная, худая женщина с бесцветными глазами, ее голограмма стояла посреди нашей комнаты. На тощей шее сверкала татуировка свастики, заламывая руки, брызгая слюной, она визжала, что этот вопиющий случай нам с рук не сойдет, что мои родители в моем лице вырастили головореза, по которому плачет исправительный лагерь. На что мой отец спокойно и, как мне показалось, с гордостью ответил:

– Мы вырастили достойного члена общества, который всегда может постоять за себя и за интересы Рейха, а вот кого вы растите, фрау Мелна, мне абсолютно не понятно, – и отключился. Последнее, что я увидел – как побагровела физиономия фрау Мелны.

Шли годы, после случая с Янисом мы с Алексом в школе приобрели непререкаемый авторитет. Ребята все время пытались с нами подружиться, но нам с Алексом было интересно вдвоем, и никто другой не был нужен.

Глава 6

Алекс начал участвовать в соревнованиях по рукопашному бою и частенько становился призером.

Я же нашел себе новое увлечение – хоккей. Но постоянно помня слова мамы, не забывал прилежно учиться и, к своему удовольствию, и конечно, к удовольствию своих родителей, блестяще окончил школу. Алекс не отставал от меня. Куда поступать после школы, двух мнений у нас быть не могло, конечно, звездная академия, факультет «Пилотирование звездолетов». Я до сих пор точно не знаю, была ли это не только моя мечта, но и мечта Алекса или все-таки он подал документы в звездную академию, чтобы быть со мною рядом. Прекрасные аттестаты плюс приличные показатели в спорте, у него по рукопашному бою, у меня по хоккею, позволили нам легко обойти своих конкурентов и оказаться в рядах элитной, самой престижной в Рейхе звездной академии, куда был конкурс – восемьдесят человек на место. Четыре прекрасных года учебы, о которых я до сих пор вспоминаю с легкой грустью, пронеслись моментально. Близилась сдача выпускных экзаменов. А за ними… У нас с Алексом весь мир в кармане. Интересная, очень хорошо оплачиваемая работа. И чтобы это обязательно была дальняя разведка, открытие новых диковинных планет, на которые еще никогда не ступала нога человека и которые являются кладезем не только полезных ископаемых, но и всевозможных тайн, которые нам еще только предстоит разгадать. В общем, нас ждет очень увлекательная, полная приключений насыщенная жизнь. На Олероне между тем было неспокойно, они выбрали свое правительство, которое отказывалось безоговорочно подчиняться Рейху, приняли декларацию о независимости и суверенитете, в которой провозгласили, что отныне планета Олерон, а также ее ресурсы и недра со всеми полезными ископаемыми принадлежат народу Олерона, и теперь они готовы торговать с Рейхом только на основах принципа взаимовыгоды и уважения интересов друг друга.. Все чаще в средствах массовой информации слышалось, что Рейх не намерен идти на какие-либо переговоры, компромиссов и уступок не будет и что пора сепаратистов призвать к ответу, но что мне до Олерона, он так далеко, и меня это никак не касается.

Глава 7

Шел последний, третий период, оставалось тридцать две секунды до окончания исторического матча. Первый раз наша звездно-космическая академия играет в финале. И не просто в финале, а противостоит двадцатикратному обладателю кубка Молодежной университетской хоккейной лиги Рейха высшего дивизиона – легендарному, непобедимому Бостонскому университету. Счет в серии два – два. Счет на табло три – два в нашу пользу, и это последняя игра финальной серии, которая определяет победителя. Пятнадцатитысячный стадион сошел с ума. Трибуны ревут. Соперник берет тридцатисекундную паузу, чтобы заменить вратаря на шестого полевого игрока, вбрасывание в нашей зоне. Мы сгрудились возле своей скамейки, внимая каждому слову тренера:

– Сейчас на лед выходит пятерка «синеньких». Яр, слушай меня внимательно, если шайба попадает к тебе, не водись, сразу выбрасывай ее из зоны, всех остальных это тоже касается, и парни, поменьше онанизма, играйте проще.

– Все поняли, коуч.

Тренера прилично потряхивало. Становимся на вбрасывание, нервы на пределе, я взглянул еще раз на табло: 3 – 2 и тридцать две секунды, как это много, целая вечность, поискал

глазами наших чирлидерш, вот она, Линда, девочка моя. Высокая, длинноногая фигурка видна издалека, она шлет мне воздушный поцелуй.

– Раз, два, три, четыре, пять, звездный победит опять, – слышны девичьи голоса, пытающиеся перекричать толпу. Свисток, вбрасывание, шайба отлетает к левому защитнику гостей. На всех парах лечу к нему, кажется, что коньки выбивают искры изо льда, он мешкает, не успевает обработать шайбу. Впечатываю его в борт, шайба лежит никем не востребованная. Со всей дури, не целясь выкидываю ее из своей зоны. Слышно, как замирает зал. Резиновый диск быстро пересекает все зоны и нехотя влезает в пустые ворота, раздается сирена. Все, это победа. Зал просто взрывается, расстегиваю шлем, кидаю на лед, туда же летит клюшка, перчатки. Вся команда на радостях выскакивает со скамейки и налетает на меня, буквально втаптывая в лед, с трудом освобождаюсь от разгоряченных тел своих товарищей, глазами ищу Линду, она улыбается, левой и правой рукой шлет мне воздушные поцелуи. Диктор по стадиону зычным голосом объявляет:

– Шайбу в ворота Бостонского университета забросил Яр Ковалефф.

Зал неистовствует, эмоции хлещут через край, на лед полетели кепки. Наш тренер пустил скупую мужскую слезу.

– Спасибо, парни, я в вас верил, не подвели.

Потом играл гимн Рейха, произносилось много речей. Наконец, можно было взяться за кубок, большой, тяжелый, мне его передал Косканен, наш капитан. Под музыку «Мы чемпионы, мой друг» я поднял кубок над головой, по его блестящим золотым бокам гуляли лучи прожекторов, скоро на нем будут выгравированы фамилии игроков нашей команды и моя фамилия тоже. Чуть подержал и передал кубок дальше. Когда вышел из раздевалки, Линда меня уже ждала, бросилась на шею, расцеловала, окутывая ароматом своих пшеничных волос:

– Яр, милый, я так безумно рада.

– Яр, можно тебя на минуту? – от стены напротив отделилась фигура в строгом черном костюме, волосы с проседью, на кармане пиджака эмблема белого медведя с клюшкой, отличительный знак «Берлин айсберен» – одного из сильнейших клубов НХЛР – Национальной хоккейной лиги Рейха. Мужчина протянул мне руку:

– Позволь представиться, Иоганн Штосс – генеральный менеджер хоккейного клуба «Берлинские белые медведи», – рукопожатие было крепким.

– Так есть минутка?

– Да, конечно.

– Как ты, Яр, смотришь на то, чтобы продолжить карьеру в хоккее в качестве профессионального игрока? Мы следили за тобой целый сезон и были бы счастливы видеть тебя в рядах нашего клуба.

– Гер Штосс, это очень заманчивое предложение, но можно я дам свой ответ через две недели, после окончания экзаменов? Я хотел бы получить диплом пилота.

– Понимаю, поэтому не тороплю с ответом. Вот моя визитка, надеюсь на твой положительный ответ. Мы с тобой еще свяжемся. Удачи и до встречи.

Когда он удалился, Линда спросила:

– Это тот, кто я думаю?

– Да, генеральный менеджер «Берлин айсберен».

– Он сделал тебе предложение?

– Да, от которого очень трудно отказаться, – продолжил я.

– Ааа!.. – завизжала Линда, вскидывая руки вверх и прыгая на месте. – Милый, я так тебя люблю, – тесно прижалась ко мне, я явственно ощутил ее упругое тело и бугорки ее груди. Раздался звонок голографона – звонили мои родители, у них был отпуск, они отдыхали на пляжах Олерона.

– Яр, сына, мы смотрели прямую трансляцию, все видели, какой ты молодец, поздравляем!

– Мам, пап, мне только что предложили играть за «Берлин айсберен».

– Ну ничего себе, – голос отца срывался от волнения. Он был ярым фанатом хоккея и всю жизнь мечтал, чтобы его сын был профессиональным хоккеистом.

– Ну а ты что решил?

– Пап, ну я пока не знаю, вначале надо сдать экзамены, а там видно будет.

– Очень правильное решение, сына, не торопись, – рассудительно сказала мама. – Ты выбираешь профессию на долгие годы.

– Да, мам, конечно. Как вам там отдыхает ся?

– Чудесно, здесь такой климат, такие сказочные растения, море и очень хороший сервис. А это Линда рядом с тобой? Здравствуй, Линда, солнышко.

– Добрый день, фрау Ковалефф, добрый день, гер Ковалефф, – и сделала книксен. В короткой юбке и кроссовках, в исполнении Линды это выглядело одновременно и забавно, и очень сексуально.

– Мам, пап, отдыхайте, прилетите – все расскажете. Люблю вас, а мне пора бежать.

– Все, сына, любим тебя, целуем. Готовься к экзаменам. Линда, детка, проследи за ним.

Опять фирменный, супер сексуальный книксен от Линды.

– Обязательно, можете не сомневаться, фрау Ковалефф, уж я за ним пригляжу, – и заговорщицки мне подмигнула.

– Все, детки, пока. К выпускному балу будем, – связь отключилась.

– Ну что, буду за тобой присматривать, – Линда состроила хитрую рожицу, поцеловала в щеку, затем слегка укусила мочку уха, прошептала:

– Милый, мои предки свалили до понедельника, а ты заслуживаешь награду. К тебе или ко мне? – ее голубые глаза загадочно сверкали, обещая мне райские, неземные наслаждения, сводя меня с ума. Вот оно, счастье. Я крепко прижал к себе ее гибкое тело. Поцеловал. Губы Линды отдавали вкусом клубники. Голова пошла кругом.

– Ну, не здесь, милый, не здесь, – она легко выскользнула из моих объятий.

Глава 8

Последний экзамен сдал на ура, сам от себя не ожидал. На все вопросы декана отвечал быстро, четко, точно, без запинки.

– Молодец, Ковалефф, сдал, у нас в Рейхе стало на одного пилота больше.

Алекс ожидал меня в коридоре.

– Ну как, брат, все? Сдал?

– Сдал, а ты?

– Тоже.

– Отлично. Поздравляю.

– И я тебя, – обнялись.

– Все, друг, отмучились, через три дня получаем аттестат, затем выпускной, а там…

Закончить мысль мне не дала голограмма диктора новостей. Срочное сообщение:

– Дорогие сограждане, сегодня сепаратисты с планеты Олерон совершили самое гнусное преступление в истории человечества, противопоставив себя тем самым всему остальному демократическому сообществу: в 11 часов 5 минут по местному времени тактической ракетой «Поларис» был сбит пассажирский звездолет «Гортензия», принадлежавший компании «Люфтганза» с 230 пассажирами, 20 членами экипажа, стартовавший из космопорта Южный. Все 230 пассажиров и 20 членов команды погибли, но пусть сепаратисты знают, Рейх всей

мощью своего экспедиционного корпуса ответит на это подлое злодеяние, от ответственности не уйдет ни один выродок. Мощная, но справедливая карающая рука Рейха настигнет любого, кто думает, что с Рейхом можно разговаривать с позиции силы. Агрессор получит достойный отпор. В Рейхе приспущены флаги, объявляется трехдневный траур по безвинно погибшим в катастрофе, отменяются все увеселительные мероприятия и развлекательные передачи.

– Накрылся наш выпускной, – раздался в тишине чей то грустный голос.

Дальше шел список погибших. В воздухе медленно проплывали незнакомые фамилии. И вдруг – Анна Ковалефф. Герман Ковалеф. Земля ушла из-под ног, я не мог поверить своим глазам. Но ведь этого не может быть, так не бывает. Это какая-то чудовищная ошибка.

– Нет, нет, нет, это неправда, – я все время набирал то маму, то папу, слыша только женский голос:

– Абонент временно недоступен, – в груди рос какой-то комок, подкрадывалось чувство тошноты. Словно через вату слышал, как пытается говорить со мной Алекс.

– Старина, только не молчи, – тряс он меня за плечи. До меня дозвонилась Линда:

– Яр, любимый, как ты? Я не знаю, что сказать, это ужасно.

Больше я ничего не слышал, уплывая куда-то, передо мной стояли улыбающиеся, счастливые родители. Слезы душили, не хватало воздуха.

Глава 9

Церемония прощания была предельно проста: в черную гранитную кладбищенскую стену были замурованы две урны, как мне сказали, с прахом моих родителей, но я-то понимал, что звездолет был сбит повстанцами в стратосфере и вряд ли от пассажиров хоть что-то могло остаться. Так даже легче, я не видел тел своих родителей и для себя решил, что они где-то далеко-далеко, вне зоны доступа. Ксендз зачитал молитву, пытаясь убедить всех присутствующих, что там, где они сейчас, им намного лучше. Рабочие замуровали урны и прикрепили бронзовые таблички. Имена моих родителей на табличках, здесь, на кладбище, смотрелись противоестественно. Линда в черных очках и в черном траурном платье все время жалась ко мне. Слева стоял Алекс со своими родителями, тетей Вандой и дядей Ежи. Дядя Роланд не смог прибыть на церемонию прощания по долгу службы. Рейх не простил такой пощечины и объявил войну сепаратистам. Он лишь выразил соболезнования и сказал, чтобы я не делал глупостей, родителей не вернуть, а жизнь продолжается и жить надо. Поочередно собравшиеся возлагали цветы, подходили ко мне, жали руку, хлопали по плечу, выражали слова скорби и сочувствия, а в моей душе клокотала злоба, я ненавидел Олерон. Всей душой ненавидел сепаратистов. Идя по гравийной дорожке с кладбища, я был поражен невероятной тишиной – ни единого шума, ни одного постороннего звука не доносилось с улицы. Само кладбище охраняло скорбный покой своих вечных постояльцев. Несмотря на то что не было даже намека на дуновение ветра, ярко-зеленые, изумрудные, такие бывают только весной, листья на деревьях и кустах неестественно трепетали, как будто души давно умерших пытались тебе то ли что-то рассказать, то ли о чем-то предупредить, и еще одуряющий аромат цветущей рижской сирени. Выйдя за кладбищенские ворота, я обратился к Алексу:

– Спасибо за то, что пришел, – мы обнялись. – У меня к тебе просьба.

– Все, что скажешь.

– Проводи, пожалуйста, Линду до дома, – Линда вскинула на меня вопросительный взгляд. – Прости, любимая, но мне надо побыть одному. Прошу тебя.

Линда обняла меня за шею своими гибкими прохладными руками:

– Я все понимаю, милый, – нежно поцеловала. – Все будет хорошо. Люблю тебя.

– Я тебя тоже.

До дома я добирался пешком, хоть на дворе и весна, но жарко не было, погода была пасмурная. Под стать моему настроению, огромные, тяжелые, похожие на гигантскую сахарную вату облака зависли в небе, никуда не двигаясь, давя своей тяжестью. Войдя в квартиру, меня опять окружила гнетущая тишина. Раздался зуммер голографона, заставив вздрогнуть. Звонил Алекс:

– Линду я проводил. Все в порядке.

– Спасибо, старина.

– Что намереваешься делать дальше?

– Я знаю, что буду делать. Завтра с утра иду в военную канцелярию – записываться в звездную пехоту. Хочу лично спросить с этих гадов за мать и за отца, они у меня за все ответят, клянусь, Алекс.

Он внимательно посмотрел на меня:

– Во сколько ты завтра идешь?

– К восьми утра.

– Я зайду за тобой, пойдем записываться вместе.

– Тебе зачем? Это не твоя война.

– Твои родители для меня были как родные, – и потом, как когда то в детстве, сказал: – Как я тебя одного брошу. Все, пока, не спорь, до завтра.

– До завтра.

Алекс отключился.

Бесцельно потоптавшись по большой пустой квартире, все не мог найти себе места. Зашел на кухню, открыл холодильник. На полочке стояла бутылка шнапса. Выдернув ее и разыскав кое-какую снедь, присел за стол, долго смотря, как отпотевает бутылка и по ее блестящим бокам, точно слезы, стекают прозрачные как хрусталь капли влаги. Я еще никогда не пил крепких напитков, как-то до этого дня не было никакого желания. Наконец, решился. Налив рюмку, целиком опрокинул ее, прислушиваясь к своим ощущениям. Шнапс прошел как вода, только обжег желудок, налил следующую. После второй рюмки разлилось тепло по всему телу. Тут же наступило полное опустошение, навалилась усталость, захотелось спать. Сказалось нервное напряжение последних дней. Не раздеваясь, в одежде завалился на кровать и вырубился до самого утра.

Глава 8.

На следующей день ровно в восемь мы с Алексом стояли перед дверью военной канцелярии. Внутри народу было немного. Встали в очередь. Над дверью загорелась зеленная надпись «Следующий». Я зашел в небольшой кабинет, посередине за столом сидел мужчина с погонами оберст-лейтенанта и усами а-ля Адольф Гитлер. Скрипучим голосом спросил:

– Желаете поступить на военную службу?

– Так точно.

Оберст-лейтенант оживился.

– Протяните левую руку к идентификационному окошечку в столе. Ага. Яр Ковалефф. Так, дата рождения, группа крови. О, да ты с отличием окончил звездную академию. Хорошо, обрадованно потер он руки Потому что пилоты нам нужны.

– Я хочу записаться в звездную пехоту.

– Я не понял?

– Я хочу в звездную пехоту.

Военком посмотрел на меня с сожалением, как на умалишенного.

– Зачем тебе это, парень?

– На «Гортензии» были мои родители.

– Не смею препятствовать. Распишись вот здесь, – сказал он, протянув мне контракт.

Даже не читая, я черканул свою подпись.

– Добро пожаловать в звездную пехоту, сынок. Завтра в 8.00 ты должен прибыть на сборный пункт по адресу: Маза Кална, 111, при себе иметь пару сменного белья, зубную щетку, обо всем остальном позаботится звездная пехота. Еще раз должен предупредить: в случае неявки в обусловленное место и время ты несешь уголовную ответственность по всей строгости закона. Контракт действует полтора года, выбыть из рядов звездной пехоты досрочно возможно только по причине смерти. Свободен.

Алекса я ждал недолго, он вышел, широко улыбаясь.

– Ну что? – спросил я.

– Порядок. Завтра в восемь на сборном пункте.

– А чего улыбаешься?

– Да военком как услышал, что хочу в звездную пехоту, сказал, что до меня здесь уже был один придурок, наверное, сегодня день дурака, у них корочки пилотов на руках, а они в звездную пехоту лезут. Дебилы. Ну, куда сейчас?

– Пойду соберу вещи, и с Линдой надо попрощаться. А ты?

– Тоже пойду вещи соберу. Ну что, до завтра?

– Давай, до завтра.

Глава 10

Подойдя к дому Линды и звоня в дверь, я даже не знал, как ей сообщить о том, что я поступил на службу. Разговор с Линдой был очень тяжелым.

– Ты что, с ума сошел?! Зачем тебе это надо? У Рейха достаточно профессиональных военных, которые знают, что делать.

– Ты не понимаешь. Война долго не продлится, а я обязан предъявить им свой личный счет.

– Какой счет? Ты обо мне подумал? Ты в первую очередь должен заботиться о нас, о нашем будущем, о будущем наших детей.

– Успокойся, милая, это ненадолго. Разобьем сепаратистов, и я вернусь. Пойми, любимая, ну не могу иначе. Они убили моих родителей. Я должен отомстить, этим гадам должен.

– Ничего ты не должен, – говорила Линда, размазывая тушь по щекам. – А если кому-то должен, то только мне.

Я крепко обнял ее, волна нежности и любви захлестнула меня. Я поцеловал ее в лоб, в сухие губы и мокрые от слез глаза, ощущая на своих губах соленый вкус. Она уткнулась мне в плечо, ее тело содрогалось от рыданий. Я гладил любимую по голове, стараясь хоть как то успокоить.

– Тихо, тихо, Линда, девочка моя, я ненадолго, все будет хорошо, – как заведенный приговаривал я.

Линда отняла голову от моих плеч, посмотрела на меня пристально, глазами полными слез.

– Ты ведь меня не любишь?

– Ну что ты, глупенькая, конечно, люблю.

– Ты подумал, что я буду делать, если тебя убьют?

– Что ты, милая, никто меня не убьет, со мной все будет в порядке. Обещаю. Только дождись меня, очень прошу.

– Я буду ждать тебя столько, сколько нужно. Я не могу без тебя, Яр, любимый.

Ее губы потянулись к моим. Наш поцелуй был нежным и очень страстным. Каждый из нас вкладывал в этот поцелуй все, что чувствовал друг к другу.

– Мы должны провести эту ночь вместе. Слышишь, Яр? Идем ко мне в комнату, – прошептала она. – Родителей не будет, – Линда взяла меня за руку и слегка потянула. – Идем.

Я не сопротивлялся. Страсть накрыла нас лавиной, мы целовались как безумные.

– Подожди, не спеши, сейчас.

Она оторвалась от меня, скинула с себя всю одежду, бросив ее на пол. Я, наверное, никогда не привыкну к этому зрелищу.

– Боже, Линда, как ты прекрасна. Ты само совершенство.

В полумраке комнаты стояла нагая богиня: глаза, горящие страстью, чуть приоткрытые пухлые губы, прямые пшеничные волосы едва касались покатых, округлых плеч, небольшая грудь призывно манила, дразня меня своими розовыми набухшими сосками. Плоский живот, длинные, стройные ноги. Я потерял дар речи, сердце ухало, как гигантский молот. Линда слегка улыбнулась, видя, какой эффект произвела на меня, легла на кровать на спину, согнув в коленях и разведя широко в стороны свои стройные ноги, открывая моему взору все самое сокровенное.

– Иди ко мне, любимый, я жду.

Ночь была незабываема. Комната Линды с кроватью и прикроватным бра, дающим мягкий, рассеивающий свет, была этой ночью для нас нашей вселенной, центром мироздания. Мы никак не могли насладиться. Заканчивали и начинали все снова и снова. Ее запах опьянял, ее матовая бархатная кожа сводила с ума, не давая мне успокоиться. Я чувствовал ее каждым миллиметром своего тела. Мы клялись в вечной любви, что нас ничто и никто никогда не сможет разлучить. Потом она заснула. Она лежала на боку, обняв меня одной рукой и закинув на меня свою длинную, стройную ногу, я слушал ее ровное дыхание. Глаза Линды были плотно закрыты, но ресницы то и дело вздрагивали. И хоть я тоже устал от наших любовных ласк, мне не спалось. Во-первых, я боялся разбудить свою любимую, во-вторых, передо мной стояла стена неизвестности: что ждет меня завтра? Что будет потом? Зуммер моего будильника тихонько пискнул. Мне пора вставать. Тихонечко, чтобы не потревожить любимую, выбрался из объятий Линды. Быстро оделся, еще раз взглянул на спящую богиню.

– Только жди меня, – тихо прошептал я и выскользнул на улицу, погружаясь в прохладу раннего весеннего утра. Асфальт был мокрым, наверное, ночью прошел дождь. На улице ни души, фонари еще не выключили, и их мягкий оранжевый свет тонул в небольших лужах. Небо становилось желто-багровым. На душе было тяжело.

Забежал домой. Собранные заранее вещи стояли в коридоре, окинул взглядом пустую квартиру, в которой прошло мое детство. Во мне все больше росло понимание, что старая беззаботная жизнь ушла насовсем, утекла, как вода сквозь пальцы, и как бы я ни хотел, что бы ни делал, ее ни за что не вернуть. Все, что у меня осталось – это воспоминания.

Глава 10

На призывном пункте нас пересчитали и передали в руки трех унтер-офицеров, специально прибывших за нами. Посадили в автобусы, довезли до аэропорта, загрузили в военный транспортный самолет. Во время полета мы пытались хоть что-то узнать о нашей предстоящей службе у унтеров, которые нас сопровождали, но на все наши вопросы они лишь криво ухмылялись и говорили, что по прибытии мы все сами узнаем. Все, чего нам удалось добиться, так это то, что летим мы на военную базу в Мюнхен. Полет был недолгим. Построив нас возле самолета, еще раз произвели проверку, как будто кто-то из нас в полете мог раствориться.

– Так, рекруты, – зычным голосом обратился к нам один из унтер-офицеров. – Сейчас я зачитаю фамилии и назову номер роты, ваша задача – запомнить, кто к какой роте прикреплен: Аболс, Андерсон, Абелкокс, Дзаблс, Задонский – первая рота.

Вот нас с Алексом и разъединили. Я попал служить во вторую. После того как мы были распределены, унтер-офицер скомандовал:

– Рекруты, на ле… во! За мной шагом марш!

Нестройной толпой, не в ногу мы побрели за унтером. Перед нами открылись массивные металлические ворота КПП, сразу в нос ударил запах казенной еды, гуталина, хлорки,

свежей краски и еще чего-то неопределенного. Впереди в центре был огромный плац, обсаженный со всех сторон липами, на плацу справа от нас находилась большая трибуна, покрашенная в мышино-серый цвет, над трибуной реяло красное полотнище со свастикой. Вокруг всего плаца шла асфальтированная дорожка, по бокам от плаца стояли каменные трехэтажные здания, по два с каждого бока – это были казармы с учебными классами, лазаретом и блоком питания, и одно спереди – административное. Все территория учебки была огорожена высоким металлическим непрозрачным забором. Плюсом к этому по всему периметру забора вторым кольцом шла колючая проволока. Так выглядела наша часть, где нам предстояло чрезвычайно познавательно провести следующие два месяца. Вид довольно зловещий. По пути нам попался взвод совершенно одинаковых, как мне показалось, на одно лицо солдат в серых камуфляжах. Руководили взводом двое унтеров. Один обращался к другому очень громко, чтобы его услышали все остальные, то есть работал на публику.

– Слушай, Урмас, разреши, я сломаю челюсть этому недоноску? – показывая на долговязого солдата, который стоял в передней шеренге.

– А что случилось? – так же громко спросил второй унтер.

– Этот подонок совершенно не слышит, что я ему говорю. Как будто со столбом разговариваю.

– В чем дело боец? – заорал Урмас так, словно обращался к глухому. – Почему не выполняешь приказаний старшего по званию?

– Я выполняю, гер унтер-офицер, – отвечает солдат, вытягиваясь по стойке смирно и выпучивая глаза. Унтер-офицер Урмас бьет солдата кулаком в живот, отчего тот складывается пополам.

– Так ты хочешь сказать, что унтер-офицер Треньен врет мне?

– Нет, никак нет, гер унтер-офицер.

– Ну значит, тогда ты мне врешь, и стой смирно. Почему стоишь перед старшими по званию согнувшись, как червяк?

Долговязый, откашливаясь, с трудом пытается выпрямиться и тут же получает новый удар, отчего падает на колени. Весь взвод замерев смотрит за происходящим. Мы тоже притихли.

– Чего встали? – рявкнул наш сопровождающий. – Вперед.

Чем все закончилось, мы не увидели. Далее всех распределили по ротам. В каптерке выдали чистое нижнее белье, серый камуфляж, кепки, ремни и берцы. Под присмотром унтера проследовали в баню. После душа мы облачились в камуфляж, и тут произошло полное превращение, мы стали общей серой массой, абсолютно похожие друг на друга. Агнис Кирштейнс, надевая кепку, согнул кокарду с изображением черепа с крыльями – символ звездной пехоты, отчего вид у него сразу стал залихватским, как у опытного воина. Так нам тогда казалось. Унтер-офицер заметил это.

– Взвод! – скомандовал он. – Слушай сюда.

Подойдя к Агнису, приказал:

– Надень кепку поглубже.

Агнис выполнил приказание. Унтера это не удовлетворило.

– Да нет, не так, а вот так, – унтер натянул Агнису кепку по самые брови. – Вот, взвод, еще раз увижу такое вольное обращение с казенным имуществом, буду делать так, – коротко замахнулся и ударил Агниса в лоб, туда, где была кокарда. Агнис отлетел к стенке.

– Ну вот, отличненько, кажется, кокарда выпрямилась, – сказал унтер, потирая руку. – Всем все ясно?

– Да… – раздалось недружное блеяние.

– Нужно отвечать четко и внятно: «Так точно, гер унтер-офицер». Повторяю, всем все ясно?

– Так точно, гер унтер-офицер! – ответили мы дружно.

– Усвоили, – удовлетворенно хмыкнул он.

Такая была тактика обучения в учебке звездной пехоты. Унтер-офицеры, как правило, были неплохими психологами. Среди рекрутов подыскивали самого слабого по духу и на его примере запугивали взвод, добиваясь в конечном итоге тем самым полного повиновения и железной дисциплины.

Глава 11

После бани, построив нас по трое, строем повели в роту. Большое, очень чистое помещение с огромным проходом посередине. По бокам шли пять помещений поменьше, называемые кубриками, с кроватями на тридцать пять человек в каждом кубрике. Построив в широком проходе, нас передали унтер-фельдфебелю – это был высокий, худощавый, холеный человек с гладким, как у младенца, лицом, без какого-либо намека на щетину. На щеках играл здоровый румянец. Не спеша, обходя взвод и заглядывая каждому в глаза, поигрывая стеком, который держал в руках, выступил с крайне проникновенной, я бы даже сказал ободряющей, речью.

– Взвод, смирно! – скомандовал он. – Меня зовут унтер-фельдфебель Вараускас, моя задача – сделать из вас боеспособных солдат. С этого момента я ваш царь и бог. Ваши задницы теперь принадлежат только мне, я научу вас подчиняться. Все мои команды надо выполнять четко, быстро и беспрекословно. Даже если я вам прикажу хер в розетку засунуть, вы это сделаете не задумываясь и доложите, что мой приказ выполнен. Ни дыхнуть, ни испортить воздух без моего разрешения вы не имеете права. Кто ослушается, будет жестоко наказан. Я доходчиво все объяснил?

– Так точно, гер унтер-фельдфебель! – ответил стройный хор голосов.

– А теперь я вас распределю по койкам.

Заглядывая в список, он называл фамилию и стеком указывал кровать, которую должен занять рекрут. Дойдя до моей фамилии, посмотрел в список, затем на меня, потом опять в список, как будто не веря своим глазам.

– Ковалефф? Правильно? – вопросительно спросил он, ткнув меня стеком в грудь.

– Так точно, гер унтер-фельдфебель.

– Отлично. Да ты счастливчик, тебе достается прекрасное место – возле меня. Уверяю, мы с тобой подружимся, – он гадко улыбнулся. – Повторяю для забывчивых. Перед тем как вы сюда попали, каждый из вас подписал контракт. Обратной дороги нет, и выбыть из рядов звездной пехоты вы можете лишь в двух случаях: либо по истечении контракта, либо по причине смерти. В случае ранения вашу задницу подлечат и отправят обратно в войска. Есть, правда, еще один вариант: если вы попытаетесь дезертировать или же систематически нарушаете дисциплину, то вас отправят в исправительный лагерь, но уверяю вас – смерть на поле боя лучше. Теперь даю вам десять минут разложить личные вещи и оправиться. Ровно через десять минут вы должны быть в строю – на плацу.

Глава 12

Теперь можно присмотреться к взводу. Точнее, к людям, с которыми мне предстояло служить. Публика была довольно разношерстная. Кого здесь только не было: латыши, эстонцы, шведы, фины, словаки, поляки, но самое удивительное – к вечеру подвезли четырех немцев, почему удивительно, потому что немцы в основном служили в войсках СС. В войска СС простым смертным попасть практически невозможно. Там могли служить только немцы, англосаксы за очень большие заслуги перед Рейхом, скандинавы и прибалты. Что касается наших немцев, то это были высокие, крепкие, как скала, парни, у каждого кулак как пивная

кружка. Держались они всегда особняком, на всех смотрели свысока, на контакт ни с кем не шли. Говорили, что они из Гамбурга, на гражданке работали докерами. Какого их понесло в звездную пехоту – одному богу известно. Начались обычные будни, из которых состоит армейская служба, со всеми тяготами, невзгодами и лишениями… Я благодарен судьбе, что физически был неплохо подготовлен, иначе пришлось бы мне очень тоскливо. Нагрузки были зверские, распорядок дня был таков: в 6:00 подъем, не успевая оправиться, мы пулей выбегали на зарядку, 10 кругов вокруг плаца, что составляло аккурат 10 км, после зарядки умывались, брились и строем бегом в столовую. Завтрак надо было проглотить очень быстро. Как правило, мы даже не чувствовали, что мы ели, опять бегом на занятия – изучать стрелковое оружие, все виды мин, гранат, матчасть боевой машины звездной пехоты, танков, также включая новейшие, только поступающие на вооружение «леопарды» XCW 12 и прочее-прочее. Затем шла тактика. Это бег по пересеченной местности в полном обмундировании. Отработка взаимодействия в боевых условиях отделений взводов и рот, за тактикой шел небольшой отдых, во время которого мы после стрельб очень интенсивно чистили свое личное оружие – штурмгеверы. После такого отдыха бегом на обед. То же – не пойми, что глотаешь. После обеда политзанятия, на которых очень хотелось спать, чему способствовала не только элементарная усталость, но и крайне нудное бормотание докладчика, обер-лейтенанта Кушковица. Все его доклады были как под копирку, к концу учебки мы могли цитировать тезисы обер-лейтенанта наизусть. Начинал он с того, как мы должны беззаветно любить Канцлера и Рейх. Видимо, он считал, что то ли мы недостаточно сильно любим их, то ли не знаем, как правильно их любить. Продолжал, рассказывая, какие сепаратисты нелюди и звери. Заканчивал тем, что мы не раздумывая должны отдавать свои жизни за Канцлера и Рейх. За политзанятиями шли занятия по рукопашному бою, далее ужин, который глотался как завтрак и обед – не пережевывая. За ужином шло опять изучение оружия и матчасти. Наступало личное время, которое с легкой руки и, как ему казалось, ко всеобщей радости и веселью обер-фельдфебель Вараускас заменял на кросс. После прекрасно проведенного с пользой личного времени была вечерняя поверка, умывание и отбой. Засыпать мы должны были по команде и обязательно на правом боку, поскольку мы были уставшие в сосиску, у нас получалось засыпать сразу, как только голова касалась подушки. Как правило, спать нам долго не давали, среди ночи нас частенько подымали на ночные стрельбы или заставляли преодолевать полосу препятствий. Наш обер-фельдфебель был большим затейником и выдумщиком по этой части. А если к этому добавить наряды, несение караульной службы, то остается удивляться, как мы такие нагрузки вообще выдерживали. Каждую вечернюю поверку нам для поднятия нашего боевого дух зачитывали новости с фронта, ну, например: «Фельдфебель Штукман, ведя неравный бой с превосходящими силами сепаратистов, уничтожил пятнадцать единиц живой силы противника. Чтобы не сдаваться в плен, Штукман сам себя подорвал гранатой. Рядовой Глинка, в бою, подбил три вражеских танка и уничтожил двенадцать сепаратистов, был смертельно ранен, но не покинул поле боя. Представлен к железному кресту посмертно». Ну, и так далее. Исходя из всего вышесказанного, на Олероне уже давно не должно было остаться ни одного негодяя-сепаратиста – ан нет. В общем, со всем можно было бы мириться, если бы не наш обер-фельдфебель Вараускас, который меня невзлюбил с первой минуты, раздавая мне наряды даже более щедро, чем Санта-Клаус раздает подарки детям на Рождество: «Койка недостаточно ровно заправлена. Наряд. Штурмгевер недостаточно чисто с его точки выдраен. Наряд. Форма после отбоя недостаточно аккуратно уложена на прикроватной тумбочке. Наряд». Ну и так далее, перечислять его придирки можно до бесконечности. В редкие минуты мы виделись с Алексом, у него все шло путем. Заинтересовавшись, почему я никакой, и услышав от меня, что мой обер-фельдфебель меня конкретно достал, Алекс с присущей ему манерой все вопросы решать быстро и по-деловому предложил:

– Давай «окультивируем» этого ублюдка.

Мне очень трудно было отказаться от этого поистине в высшей степени суперзаманчивого предложения.

– Алекс, дружище, без сомнения, твоя крайне неординарная идея заслуживала бы самого пристального рассмотрения, но в несколько другом свете и времени. Мне бы хотелось, чтобы мы оказались на фронте, а не в исправительном лагере.

Алекс с сожалением почесал затылок:

– Так что теперь, терпеть нападки этого ублюдка?

– За меня не беспокойся, брат, потерплю, не так уж долго осталось.

– Ладно, Яр, держись, все будет пучком.

Мы обнялись.

Линда писала мне сообщения каждый день. Голографоном нам пользоваться было строго запрещено. Запрещала военная цензура: а вдруг гражданское лицо увидит что-нибудь такое, что составляет военную тайну. Без сообщений от моей любимой жизнь моя была бы совсем кислой. Каждый день ждал момента, чтобы окунуться в ее сообщение. Она мне писала обо всем: как учится, какой фильм смотрела, куда ездила, что ела, как соскучилась и как меня любит. Ее нежный голос обволакивал, как теплая шаль в холодную погоду, заставляя забыть, кроме нее, все на свете. Правда, Вараускас не давал мне особо расслабиться, постоянно напоминая, что он есть на белом свете.

Глава 13

Как-то в один из далеко не самых прекрасных вечеров я только помылся, нагнувшись очень аккуратно, как того велит строгий армейский порядок, складывал свою форму на табурете. Внезапно ощутил очень болезненный удар по почкам. Возможно, если бы не было так неожиданно больно, я бы, наверное, сдержался. А возможно, просто сработали старые инстинкты. Резко, с разворота я зарядил кулаком тому, кто стоял сзади и ударил меня, даже не раздумывая, кто это был. А был это обер-фельдфебель Вараускас лично. Видимо, он тоже не ожидал такого поворота событий. Попал я Вараускасу прямо в челюсть, придавая ему приличное ускорение, отчего он отлетел на несколько метров по проходу, по дороге собирая своим бренным телом все стоящие на его пути табуретки. Со стороны смотрелось это зрелищно, как в крутом боевике… Кроме нас, в кубрике был только один из немцев – Клаус, который с неподдельным интересом наблюдал за происходящим.

– Ай-ай-ай-ай, наверное, будет синяк, – резюмировал Клаус.

– Это трибунал! – срываясь на фальцет, заорал Вараускас, пытаясь вытащить свое холенное обер-фельдфебельское тело из-под груды табуреток. – Ты понял, Ковалефф? Это трибунал! Сгниешь в исправительном лагере, я тебе это обещаю.

Наконец, ему удалось выбраться и кое как принять горизонтальное положение:

– Рядовой Шнитке, будете свидетелем.

Клаус Шнитке ехидно ухмыльнулся, пожимая плечами:

– Свидетелем? А что, собственно, произошло, гер обер-фельдфебель? Ей-богу, ничего, кроме того, что вы поскользнулись и неудачно упали, я не видел. Ну как же вы так, надо быть более внимательным. и осторожным Вам, наверное, бо-бо? – откровенно издевался Клаус.

Вараускас, красный как рак, испепеляя нас взглядом, зло вращая глазами, переводил взгляд то на меня, то на Клауса. И со словами:

– Я этого так не оставлю, – выскочил из кубрика.

– А что, мне понравилось. Я получил истинное наслаждение. Ты молодец, Яр, Здорово этого недоноска припечатал, давно надо было, – хлопнул меня по плечу Клаус. – Доказать он ничего не сможет. Свидетелей нет. Правда, он тебе покоя сейчас не даст. По уставу гнобить будет.

– Он и так мне покоя не давал, сука.

– Ладно, держись. Нужна помощь – обращайся. Ты, Яр, правильный пацан, наш.

– Слушай, Клаус, а почему ты служишь здесь, а не в войсках СС? Ты же немец, – задал я вопрос, давно не дававший мне покоя.

– Ну, и на старуху бывает проруха. Тут, понимаешь, какая история: у меня аллергия на черные мундиры, а потом на гражданке я слегка шалил, и чтобы опять не загреметь в исправительный лагерь – довольно тоскливое заведение, чудом оттуда выбрался, – пришлось податься в войска. Из двух зол выбирают меньшее. Ну ладно, – еще раз хлопнул он меня по плечу своей огромной пятерней. – Выше нос, не сдавайся, скоро выпуск.

После этого случая у нас с Клаусом установились приятельские отношения, да и все остальные немцы начали всегда со мной здороваться, как бы каждый раз подчеркивая – ты свой.

Зато гер обер-фельдфебель Вараускас, который и раньше ко мне не питал особо теплых чувств, а после известных событий вообще как с цепи сорвался. Теперь не только наряды на меня сыпались как из рога изобилия, но за малейшую провинность приходилось вставать на полчаса раньше на уборку территории и ложиться на полчаса позже, чтобы надраить широкий проход между кубриками до блеска. Правда, теперь Вараускас отдавал приказания, не подходя ко мне ближе двух метров, видимо, находясь до сих пор под сильным впечатлением от своего недавнего скоростного полета сквозь табуретки. Получалась очень забавная вещь – во взводе у меня было больше всего благодарностей и положительных отзывов. За несение караульной службы, за меткую стрельбу, за лучшие знания матчасти боевой машины звездной пехоты и танков «леопард», был отмечен также как лучший боец роты ,по рукопашному бою. И в то же время имел на своем счету больше всего нарядов, как будто являлся самым ярым нарушителем дисциплины. Наконец, моему ротному все это надоело. Он вызвал меня к себе:

– Хочу спросить, в чем дело, солдат? У тебя какие-то недопонимания с обер-фельдфебелем Вараускасам?

– Никак нет, гер лейтенант.

Он очень вдумчиво посмотрел на меня

– Ладно, мне все ясно. Думаю, больше необоснованных претензий со стороны обер-фельдфебеля к тебе не будет. Я за тобой очень внимательно наблюдаю, Ковалефф. Из тебя выйдет хороший солдат, если, конечно, проживешь на фронте больше недели. Свободен.

Щелкнув каблуками, я вышел. Сразу после меня лейтенант вызвал к себе Вараускакса. Буквально через пару минут обер-фельдфебель выскочил из кабинета как ошпаренный. Весь красный. Зло окинул всех взглядом. Что-то буркнув про себя, выбежал на улицу. Ко мне с этого дня претензий с его стороны больше не было.

Глава 14

Был у нас во взводе один персонаж, по фамилии Кардаш, по имени Николай. Родом с западной Украины. Когда-то Рейх аннексировал западную Украину, сделав ее своим протекторатом. Невысокий, смуглый, весь какой то гумозный как будто никогда не мылся, с черными, как головешка, волосами, острым, длинным, как у Пиноккио, носом и хитрыми, как у крысеныша, глазами. Паренек очень быстро понял соль службы. Чтобы не ходить на тактику и не ползать по полосе препятствий в полной амуниции, захлебываясь от собственного пота, он пристроился писарем в штаб. Подал заявление на вступление в члены НСДПА. Выпускал боевой листок, в котором писал какую-то патриотическую хрень и стихи собственного сочинения. Такой бредятины в жизни никогда не слышал. Но начальство было в восторге, заставляя нас сильно усомниться в умственном потенциале нашего руководства. Одно из его нетленных произведений было даже переложено на музыку и стало нашей взводной песней. В песне пелось

о том, как мы все в едином порыве будем убивать сепаратистов, потому что беззаветно любим Канцлера и Рейх. Кардаш частенько выступал на политзанятиях, толкая пламенные речи. Каждое его выступление заканчивалось словами:

– Мы принесем смерть проклятым сепаратистам!

На что как-то Клаус Шнитке резонно заметил:

– Как же ты им принесешь смерть, если даже оружия никогда в руках не держал?

Взвод заржал. Видно было, что Кардашу это замечание жутко не понравилось. Крыть было нечем. Обиду пришлось проглотить, но осадочек, как говорится, остался. В роте он появлялся нечасто. В основном для того чтобы поспать и поесть. Режим у него был свободный: когда у всей роты был подъем, он зевал, переворачивался на другой бок и сладко засыпал. В какой-то день на общем построении на плацу нам зачитали приказ:

– За образцовое выполнение воинского долга, а также за высокие показатели в боевой и политической подготовке рядовому Кардаш присваивается очередное воинское звание – ефрейтор. Боец Кардаш, выйти из строя.

Тот вышел, печатая шаг, весь раздуваясь от гордости. К нему подошел оберст Апанеску, начальник учебки, и вручил ефрейторские погоны.

– Хайль Канцлер! – заорал дурным голосом Кардаш и вскинул правую руку вверх.

– Хайль Гитлер, – ответил оберст. – Встать в строй.

К вечеру Кардаш уже щеголял по казарме в новых погонах, пыжась от собственной значительности. Видимо, башню ему снесло окончательно, иначе бы он не наделал таких глупостей. Подойдя к Клаусу, сдвинув брови, обратился к нему хорошо поставленным командирским голосом, наверняка долго тренировался перед зеркалом:

– Рядовой Шнитке, вы сегодня дневальный. Почему унитазы грязные?

Тот даже ухом не повел, разглядывая глянцевый журнал с обнаженными девочками.

– Встать, когда с вами ефрейтор разговаривает.

– Ты что-то вякнул? – с сомнением поинтересовался Клаус.

– Извольте ко мне обращаться на вы. Здесь вам армия, а не скотный двор. Вы устав читали? – взорвался Кардаш.

– Уймись, придурок.

Новоиспеченный ефрейтор, а по совместительству борец за чистоту, покрылся пунцовыми пятнами. Тут в роту зашел ротный.

– Что тут происходит? с порога поинтересовался он.

– Гер лейтенант, разрешите доложить. Рядовой Шнитке отказывается выполнять приказание, – вытягивается в струнку Кардаш.

– Какое приказание? – лейтенант улыбнулся одними уголками губ.

– Рядовой Шнитке сегодня дневальный, а унитазы грязные, вот, извольте взглянуть, гер лейтенант.

– Шнитке, живо зубную щетку, через час лично мне доложишь, что туалеты вычищены и блестят, как котовы яйца.-Отдал приказание ротный.

Клаусу ничего другого не оставалось, как отложить журнал и идти чистить унитазы. И все, может быть, ничего, ефрейтор Кардаш и отскочил бы. На юродивых ведь не обижаются. Если бы не один случай: Клаус Шнитке случайно задел кровать, где спал Кардаш, а из-под матраца вывалился блокнот, в котором про каждого члена взвода была собрана полная информация, что, где, кто сказал и что сделал. Ну, например: «18 числа в 12:05, после тактических занятий, рекрут Ковалефф сказал, что обер-фельдфебель Вараускас – форменная скотина и ублюдок. 19 числа, 10:32, рекрут Клаус Шнитке сказал, что он на х..ю вертел все руководство учебного подразделения. Того же числа Клаус Шнитке рассказал скабрезный анекдот про Канцлера и его супругу, при этом присутствовали также рядовые Иоган Шульц, Ганс Вурлицер

и Дитрих Вайс». Ну и так далее и все в таком духе. Клаус внимательно, с присущей всем немцам скрупулезной методичностью прочитал блокнот от корки до корки и изрек свое реноме:

– Вот же мерзкий пидор. Теперь понятно, как он получил ефрейтора.

Потом показал блокнот мне:

– Ну, что скажешь?

Я пожал плечами:

– Что тут скажешь?

– Знаешь, Яр, пора решать с этим говнюком.

– А что ты предлагаешь? – поинтересовался я.

– Есть одна мыслишка, – загадочно сказал Клаус. – Ему понравится, я тебе обещаю.

Глава 15

На следующий день, после незапланированной тактики, грязные по уши, как хрюшки – нам пришлось ползать на брюхе под проливным дождем, отрабатывая взятие окопов противника, – перед отбоем весь взвод ломанулся в баню. Ефрейтор Кардаш, как старший по званию, должен был выдать чистое белье и присмотреть за порядком. Надо сказать, что банное помещение было довольно странным. Один зал был отдан под раздевалку со шкафчиками. Далее шло большое квадратное помещение, выложенное старинным белым кафелем, с душевыми по кругу. Справа сбоку была небольшая дверца, за которой находилась совсем маленькая комнатка, в ней посередине стояла чугунная ванна, а по бокам две душевые кабины. Как правило, из рекрутов в эту комнатку мало кто заходил. Пока я принимал душ, пофыркивая от удовольствия под мощной струей теплой воды, из-за двери в ванную высунулась голова Клауса – он поискал меня глазами и махнул рукой:

– Яр, зайди.

Чего он хотел… Зайдя в ванную я увидел всех четверых немцев они были голые, только вокруг бедер обмотаны полотенца.

– Ну, что случилось? – поинтересовался я. Клаус заговорщицки подмигнул:

– Подожди, сейчас будет потеха.

Опять заглянул за дверь и елейным голосом позвал:

– Гер ефрейтор, можно вас на минутку?

Вошел Кардаш, гордый как гусь. Еще бы, сам Клаус Шнитке при всех, соблюдая субординацию, обратился к нему уважительно, на вы, как велит воинский устав.

– Чего хотели, рядовой? – бодро поинтересовался Кардаш.

Клаус резко за ним захлопнул дверь:

– Яр, попридержи-ка дверь.

Кардаш, еще ничего не понимая, озираясь по сторонам и окидывая нас недоуменным взглядом, пока до конца не осознавая, что дверь мышеловки уже захлопнулась, уже менее бодро еще раз спросил:

– Так чего хотели, рядовой?

Клаус, ухмыляясь, смотрел на него сверху вниз.

– А вот чего, – коротко размахнулся и двинул Кардаша в живот кулаком, тот согнулся пополам, как от удара молота. Дитрих и Иоганн заломали ему руки и наклонили его так, что голова ефрейтора уперлась в чугунную ванну, а тощий зад задрался кверху, Клаус скинул с себя полотенце, обнажив огромный детородный орган, полотенце использовал как кляп, засунув его Кардашу глубоко в рот:

– На, пожуй, полегче будет, да и шуму поменьше.

Не спеша, с удовольствием вошел в извивающееся тело, медленно насаживая его на себя. Несколько толчков, и Клаус закатил глаза.

– Ух, хорошо, – повернулся ко мне. – Давай, Яр, ты следующий.

Я смотрел на скулящее, скорчившееся от боли и унижения тело, уже не человека, а просто кусок скукожившейся, дрожащей, воющей плоти.

– Нет, Клаус, спасибо. Я не по этой части.

– Ладно, Ганс, продолжай.

Ганс не заставил себя ждать. Клаус подошел ко мне.

– Чего ты? Он же на тебя тоже стучал.

– Не знаю, не мое это. пожал я плечами.

И чтобы перевести тему, поинтересовался:

– Клаус, а ты последствий не боишься?

– В смысле, ты это о чем?

– Ну, он же стуканет об этом.

– Да брось ты, – Клаус махнул рукой. – Что нам за него будет, мы немцы, арийская кровь. А он кто – славянин, недочеловек. Извини, Яр, не принимай на свой счет, к тебе это никак не относится, ты свой. Точно не хочешь? – кивнул он в сторону, где над телом Кардаша уже измывался Дитрих.

– Нет, спасибо.

– Зря. А я, наверное, на второй заход пошел. Мне чего-то на душу легло.

Клаус добродушно похлопал себя пятерней по своему волосатому животу. Я вышел, больше на это я смотреть не мог. После случившегося Кардаш в роте так и не появлялся. Вначале попал в лазарет. По слухам, пытался писать рапорт, но рапорт завернули: во-первых, начальству скандал был не нужен, а во-вторых, он пытался жаловаться на немцев. Это недопустимо. Дело по-тихому спустили на тормозах. Кардаша перевили в другую часть. Клауса и компанию – в другую учебку. Напоследок Клаус протянул мне свою лапищу.

– Смотри, Яр, аккуратней здесь, и там, на фронте, береги себя, желаю удачи.

– Тебе тоже удачи, Клаус. И не шали, – ответил я на его рукопожатие.

Глава 16

Июль был в полном разгаре, трава пожухла от жары, листья на деревьях потеряли свою ярко-зеленую сочность. Близился конец нашего пребывания в учебке. Выпуск был совсем близко, это чувствовалось во всем. Немножко спали нагрузки. Казалось, руководство относиться стало к нам помягче, менее требовательно. Нам даже с Алексом удалось получить увольнительную. Сев на пригородный электротаксобус, добрались до Мариенплац. Хотели посмотреть представление кукольных фигурок на ратушных часах, но опоздали. Жалко. Зато посмотрели отпечаток ступни дьявола в Фрауэнкирхен. Прошвырнулись по Кауфингерштрассе. И хотя разморенный город буквально плавился от жары, праздношатающихся и туристов было достаточно много. Вообще, довольно необычно быть предоставленным самим себе, вот так просто бродить бесцельно по городу, никуда не торопясь. Никого нет рядом, кто бы орал над твоим ухом: «Не успеваешь, рядовой, будем тренироваться». Мы с Алексом уже отвыкли никуда не торопиться. Город мне понравился очень. «Красивый Мюнхен», – поделился я с Алексом, на что он мне ответил:

– Ты не был в самом прекрасном городе на свете – в Кракове. Ты, Яр, даже не представляешь, как там красиво. Вот отслужим, я вас с Линдой обязательно туда отвезу.

– Договорились.

Я знал, что с Алексом по данному поводу спорить бессмысленно, его родной Краков самый-самый. Голодные желудки давали о себе знать. По пути попалась небольшая, уютная пивная. В полутемном зале было прохладно, тихо играла спокойная музыка. Бармен за стойкой принял от нас заказ: «По две больших мюнхенских свиных сардельки с картофельным салатом

и по бокалу пива». Заказ не заставил себя долго ждать, расставляя еду, бармен поинтересовался:

– Господа отправляются на Олерон?

– В точку, – ответили мы.

– Я так и думал, пиво за счет заведения. Приятного аппетита.

Поблагодарив бармена, мы жадно набросились на еду. Колбаски, истекающие аппетитным жирным соком, были вне конкуренции, вкус их привел бы в восторг любого самого требовательного гурмана.

– Вот скажите мне, гер Задонский, разве эти превосходные яства не говорят нам о милости господней? – дурачился я, запивая картофельный салат ледяным светлым пивом.

– Да, сударь, вы правы, так и есть, – вторил мне Алекс с полным, набитым ртом. Наконец, наступило насыщение, а за ним пришла полусонная дрема. На улицу, обратно в июльское пекло, пока не хотелось. Я пошарил глазами по бару, но не увидел одной знакомой вещи.

– Скажите, уважаемый, – обратился я к бармену. – Что-то не вижу у вас гологравизора.

Он улыбнулся:

– Господа, наверное, так хотели кушать, что, зайдя к нам, даже не обратили внимания на вывеску, на которой указано название нашего заведения – «Ретропивная». У нас нет гологравизора, только телевизор. Вот он, в углу на стенке висит, – указал бармен.

Я с сомнением посмотрел на плоский как камбала прямоугольный кусок пластика.

– А по нему хоть что-то можно посмотреть?

– Да, конечно, мультимедийный канал Das Reih.

– Если можно, включите, пожалуйста.

– Да без проблем.

Бармен щелкнул выключателем, в зал ворвался голос диктора, читающего новости: «Вчера экспедиционному корпусу Рейха удалось выровнять линию фронта и закрепиться на новых рубежах, откуда, как сообщается из информированных источников, близких к командованию, планируется начать сокрушительное наступление на позиции сепаратистов».

– В который раз, – прокомментировал Алекс.

– Да, ты прав, все это мне напоминает топтание на месте. Шаг вперед и шаг назад. Война началась почти два месяца назад. А никакого прогресса нет, как были возле космопорта Южный, так там и находимся.

– Просто нас там пока еще нет. А вот появимся, Яр, мы с тобой на Олероне – и капут всем сепарам, – ухмыльнулся Алекс, отхлебывая пиво.

– А вообще-то, нас вчера в аэропорт возили, боеприпасы получали, – Алекс наклонился ко мне поближе. – Там разгружали шаттл с Олерона, гробов привезли видимо-невидимо. Я разговорился с сопровождающим унтером. Он рассказывал, что сепаратисты чертовски здорово дерутся и наши регулярно получают по сраке. Потери просто огромны.

– Ладно, Алекс, поживем – увидим, не так страшен черт, как его малюют. Как твои родители? У них все в порядке?

Алекс стрельнул в меня взглядом и опустил глаза:

– Все хорошо, привет тебе передают. У сестренок тоже полный порядок, они сейчас на каникулах у бабушек с дедушками в Кракове. Девочки полном восторге. Им все нравится.

– Ну, раз все хорошо, значит, хорошо.– Подытожил я.

Не стал рассказывать Алексу, что недавно мне звонила его мама, тетя Ванда. Ругала меня, обвиняя во всех смертных грехах. Плакала. Потом умоляла присмотреть за Алексом, потом опять плакала и опять ругалась. Алекс никому не сказал, что уходит служить. Его родители узнали об этом только через несколько дней. На письменном столе в комнате у Алекса лежал не подписанный им контракт на приличную сумму, где его брали вторым пилотом на личный прогулочный звездолет босса папы Алекса, известного олигарха. Расплатились с барменом,

чаевые с нас он наотрез отказался брать, пожелал нам удачи. Поблагодарив его от всей души, мы вышли на улицу, снова попав в объятия изнуряющей июльской жары. Увольнение заканчивалось. Пора было обратно в учебку.

Глава 17

До выпуска оставалось несколько дней. Прошел слушок, что на выпуск к нам пожалует сам канцлер. Руководство ходило дерганное, мы все свободное время пропадали на плацу, печатая шаг, раз за разом проходя мимо трибуны в торжественном марше. Дневальные каждые пять минут драили помещения, стирая с пола стен и потолка несуществующую пыль, доводя каждый уголок казармы до стерильности, особенно налегая, по приказу унтеров, на уборку гальюнов. Как будто гер Канцлер всенепременно захочет погадить именно в наших сортирах. Наконец, наступил долгожданный день выпуска. Всю учебку построили на плацу, офицеры были одеты в парадные мундиры с аксельбантами, на руках белоснежные перчатки. На улице ни ветринки, на небе ни облачка. Высоко в ярко-синем небе гоняясь друг за другом резвились ласточки. В голову пришла дурацкая мысль: «А что будет, если ласточки насрут на голову высокого гостя?» На трибуне все руководство учебки вперемежку с телохранителями канцлера. Наконец на трибуну поднялся и сам Канцлер, одетый в строгий черный костюм. Подойдя к микрофонам, обратился к нам с пламенной речью, резко и дергано жестикулируя при этом руками.

– Мои верные солдаты, в этот непростой для Рейха момент родина рассчитывает на вас. Мы верим, что именно вы сможете справиться с любой угрозой. Не щадя своей жизни, вы обязаны заставить подчиниться сепаратистов непреклонной воле Рейха, доказывая тем самым, что важнее интересов Рейха нашей с вами родины не может быть ничего другого. Вы должны убить столько сепаратистов, сколько понадобится для достижения наших общих целей – в данный момент это установление полного контроля над планетой Олерон. Убивайте, убивайте и убивайте без тени сомнения и капли сожаления. Эти недочеловеки недостойны того, чтобы жить, поскольку покусились на самое святое – основы устоев нашей государственности, нашего великого Рейха. Поэтому не заслуживают ни жалости, ни сострадания!

Я слушал речь Канцлера и думал, как же он копирует во всем Гитлера: черная челка набок, короткие усы, широко расставленные, чуть навыкате глаза, манера держаться, произносить речь, активно жестикулируя руками. В конце речи канцлер вскинул правую руку вверх и почти прокричал:

– Великие воины Рейха, я верю в вас! Хайль Гитлер!

– Хайль Канцлер! – ответил ему стройный хор голосов, прозвучавший как раскат грома.

Слышно было, как в микрофон канцлер сказал своему окружению:

– Хочу спуститься к ним, посмотреть каждому в глаза.

Канцлер в окружении своей свиты медленно проходил вдоль взводов, то и дело вскидывая правую руку вверх. Солдаты поедали его глазами. Наконец, подошел к нашему взводу.

– Какой красавец, истинный ариец. Почему не в войсках СС? – обратился Канцлер к руководству учебки, жестом показывая на меня.

Ротный скривился, как будто надкусил лимон. Не мог же он сказать, что понравившейся геру Канцлеру солдат немножко не того, по происхождению как бы совсем и не ариец. Неудобно может получиться.

– Разрешите доложить, гер Канцлер. У него родители погибли на «Гортензии», – нашелся ротный. – Решил пойти воевать на фронт в рядах звездной пехоты, чтобы мстить ненавистным сепаратистам.

Канцлер состроил скорбную физиономию. Потрепал меня по щеке:

– Я скорблю, мой мальчик. – Начал он пафосно

– Это потеря не только для тебя, это потеря для всего Рейха. Ты слышишь, мой мальчик? Весь Рейх скорбит вместе с тобой.

И обратился ко всем присутствующим:

– Вот истинный образец патриотизма и беззаветного служения Рейху. И пока у нас есть такие воины, как этот юноша, я спокоен, дух Зигфрида в нас не умер, и мы непобедимы, – снова потрепал меня по щеке. – Я горжусь тобой, мой мальчик, и надеюсь на тебя.

После этих слов Канцлер со свитой проследовали дальше, обойдя весь строй, канцлер забрался обратно на трибуну. Мы повзводно парадным маршем прошли мимо трибуны. Каждый взвод пел свою песню, от этого получался интересный эффект, звук будто бы перекатывался от одного взвода к другому, как большой круглый камень, катящийся с горы. Выходила своеобразная эстафета, которую один взвод, пройдя мимо трибуны, передавал другому. Мы, печатая шаг, горланили во все горло взводную песню, слова которой придумал ефрейтор Кардаш, о том, как в едином порыве будем убивать проклятых сепаратистов, ну и далее по тексту. Канцлер вскинул правую руку в нацистском приветствии, Когда наш взвод поравнялись с трибуной, у нас как раз шел куплет, как мы любим Канцлера. Я видел, эти строки ему очень понравились. На лице у него играла самодовольная улыбка. «Интересно получается, – подумал я, – ефрейтора нет, а его песня живет и побеждает». В столовой нас ждал праздничный обед, который мы первый раз за все время пребывания в учебке могли есть, никуда не торопясь, наслаждаясь вкусом. Потом свободное время. Много свободного времени, которое мы не знали как потратить, за два месяца отучившись отдыхать. Я еще раз, не торопясь, внимательно вчитываясь в каждую строчку, перечитал вчерашнее сообщение от Линды: «Здравствуй, Яр, любимый мой, каждый день тоскую без тебя. Ты бы знал, милый, как мне одиноко, как не хватает тебя. Иногда мне кажется, что просто сойду с ума от тоски. Считаю каждый день до окончания твоего контракта и с ужасом понимаю, как долго мы с тобой еще не увидимся. Знаю, у тебя завтра выпуск. Умоляю, ради нас с тобой береги себя. Если с тобой, не дай бог, что-то случится, я этого не переживу. У меня все хорошо, на следующей неделе начинается практика. Получила распределение на пассажирский звездолет „Блэк стар“ – это Ф-класс, только для богатеньких, ну, ты знаешь. Классно, правда? Так что три месяца буду при деле. Вчера Эдита звонила, приглашала вечером в клуб потанцевать. Я отказалась, сказала, что без тебя никуда не пойду. Эдита сказала, что я дура. Я ей ответила, что она сама дура. В общем, мы с ней поругались. А еще я недавно заходила в наше любимое кафе „Ледяной цветок“, помнишь, как сидели с тобой там перед экзаменами? Ели пирожные и целовались. Скажи, Яр, ведь так еще будет? Пообещай мне. Все, любимый, пора собирать вещи, завтра рано вставать. Люблю тебя и очень крепко целую. Пока». Я читал и чувствовал каждый нюанс интонации ее слов. Вот она грустит, и ее большие голубые глаза становятся влажными. Вот она ругается с лучшей подругой, и ее тонкие брови хмурятся, а пухлые алые губки сердито надуваются. Боже, Линда, как я люблю тебя. Как мне тебя не хватает.

Глава 18

Назавтра с утра, собрав личные вещи, получили у каптера амуницию, боевые шлемы с защитным пуленепробиваемым стеклом, которое являлось заодно экраном тепловизора, биноклем, прибором ночного видения. На нем также можно было не только наблюдать перемещение бойцов твоего подразделения, но и видеть при желании все то, что видит перед собой любой из бойцов твоего отделения – очень удобная штука. Далее шел бронежилет, разгрузка с гранатами и запасными магазинами для штурмгевера. Сам штурмгевер, десантный штык-нож с функцией плазменного резака, индивидуальная аптечка, комплект запасных батарей для шлема, резака, аптечки и автомата. Плащ-палатка, спальный мешок и еще куча не знаю уж насколько нужных вещей. Издалека мы, наверное, напоминали каких-то диковинных вьючных

животных. Пересчитав, нас усадили в грузовики и повезли в космопорт , слава богу, не пешком отправили. В космопорту нас уже ждали шаттлы. С грузовыми боксами, оборудованные санузлом, душевыми, блоком питания и кроватями. На пять дней полета это была наша мини-казарма на сто двадцать человек. В отдельные боксы загружалась боевая техника. Боевые машины звездной пехоты, танки. Каждый бокс грузили в брюхо поджидавшего на орбите транспортного звездолета. Дальше жилые боксы, хоть они и могли функционировать автономно в течение двух недель, подключали к системам жизнеобеспечения корабля. Сам полет на орбиту и погрузку нашего бокса на звездолет я, естественно, не видел. Иллюминаторов боксы не имели. Мог только чувствовать, как плавно мы оторвались от земли, как натруженно тяжело, сопя соплами двигателей, наш шаттл выползает в открытый космос, как медленно стыкуется со звездолетом, как гигантская рука грузового манипулятора отрывает от шаттла и легко закидывает в необъятные недра корабля наш многотонный бокс. Слышно было, как нас подсоединяют к системам звездолета. Возникшая голограмма капитана звездолета пожелала нам приятного полета, предупредила, что полет продлится пять земных суток. В полете необходимо соблюдать правила безопасности, жилые боксы покидать строго запрещено. Интересно получается, четыре года учился водить звездолеты, каждый год была трехмесячная практика. Нахожусь на транспортном звездолете, на самой нижней палубе, из которой при всем желании не смогу подняться на капитанский мостик, в такую привычную для меня кабину управления звездолетом. Вот судьба-индейка. С другой стороны, сам сделал такой выбор, жаловаться не на кого.

Полет на звездолете, в замкнутом пространстве бокса – невероятно скучное занятие. Вначале мы просто тупо отсыпались, потом, когда отлежали все бока, каждый пытался найти занятие по душе: кто смотрел гологравизор, правда, выбор программ не блистал многообразием. В основном это были политические ток-шоу и всевозможные высокоидейные, патриотические передачи. Кто играл в карты, а кто просто качался до одурения.

Наконец, через пять суток опять появилась голограмма капитана корабля. Голограмма бодрым голосом поведала нам, что полет успешно завершился и наш звездолет находится на заданной орбите планеты Олерон. В ближайшее время начнется выгрузка. Боксы покидать запрещено. Мы почувствовали, как наш бокс зацепили, погрузили на шаттл. Пилот шаттла с нами особенно не церемонился, спуск был очень резвым. Такое впечатление, что мы падали с сотого этажа в лифте, у которого оборвались все тросы. Только что съеденная еда не хотела оставаться в наших желудках, а настойчиво просилась наружу. Кто-то уже вовсю травил. Возможно, такой резкий спуск обусловлен был тем, чтобы не попасть в зону работы вражеского ПВО. А возможно, пилот был просто мудак. Вторая версия нам была ближе. Поэтому костерили пилота на все лады. Каждый, вспоминая весь словарный запас ругательств, придумывал для пилота самое изощренное. Но большинство все-таки склонялись к тому, что у него нетрадиционная сексуальная ориентация. Приземлились на удивление мягко. По внешней связи сообщили, что через несколько минут откроется шлюзовая дверь бокса. Выходить мы должны повзводно, чтобы не создавать давку в проходе, выйдя, должны построиться возле своего бокса. За нами подойдут встречающие офицеры. Личные вещи не забывать. Дневальным после выхода роты осуществить проверку помещения на предмет оставленных вещей.

Глава 19

Наконец, двери с характерным хлюпающим шумом разъехались в разные стороны. В глаза ударил яркий солнечный свет. А помещение наполнилось внешним гулом приземляющихся и взлетающих на полном форсаже шаттлов. К запаху сгоревшего ракетного топлива примешивался свежий йодистый, соленый запах океана, находящегося неподалеку. Мы шагнули в изнуряющую жару. Вышли, построились. Космопорт Южный был нереально огромным:

направо, налево, вокруг, сколько хватало взгляда, были видны складские ангары, краны, всюду сновали погрузчики, разгружающие или загружающие грузовые электрокары, тут же заправщики опусташаемые до донышка присосавшимися к ним толстыми гофрированными шлангами шаттлами. Хорошо видно, как из соседних боксов, приземлившихся вместе с нами, выходит на бетонку космопорта звездная пехота, где-то там, в одном из них, Алекс. В фиолетовом небе с белыми прожилками облаков, совсем не похожем на земное, барражируют истребители прикрытия и работяги-шаттлы, натужно ревя, совершая один заход за другим, стараясь побыстрее опустошить брюхо звездолета, чтобы его потом загрузить обратным грузом. В основном это пустые боксы, в которых мы прибыли, боксы-лазареты с ранеными и боксы с гробами, где лежат тела геройски погибших за интересы Рейха.

К нам подошли два офицера. Один высокий, поджарый, длинноногий. Второй чуть поменьше ростом, с намечающимся пивным животиком. Они очень сильно отличались от наших офицеров из учебки, прежде всего формой. Кепки, и камуфляж на них был одет не уставной офицерский а тот, что носят рядовые. Лишь по едва заметным читаемым только опытным взглядом и то вблизи знакам различия на погонах, можно было определить, что перед нами стоят два гауптмана. Воротнички по-неуставному широко расстегнуты на три пуговицы, рукава камуфляжа по локоть закатаны. На правом выгоревшем на солнце до бела рукаве камуфляжа у одного был нашит шеврон – королевская кобра с раздувшимся капюшоном, изготовившаяся к прыжку. У второго – голова оскалившегося ягуара. На левом рукаве у обоих сияла поблескивающая серебром эмблема звездной пехоты – череп с крылышками, а под ним подпись готической вязью «Я и есть смерть». На шее у обоих висели потертые, видавшие виды штурмгеверы. Офицеры сильно загоревшие. Широко, белозубо улыбались, смотря на роту, дурачились:

– Так кого ты берешь, Янек? С первого по третий или с четвертого по второй?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.